

[Рец. на / Review of:] P. Kehayov. *The fate of mood and modality in language death. Evidence from minor Finnic*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. xix + 385 p. ISBN 978-3-11-052185-6.

Татьяна Борисовна Агранат

Tatiana B. Agranat

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Московский государственный лингвистический
университет; tatiana.agranat@iling-ran.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; Moscow State
Linguistic University; tatiana.agranat@iling-ran.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.142-146

Монография посвящена исследованию наклонения и модальности в четырех прибалтийско-финских идиомах, находящихся на грани исчезновения: центральном людиковском, ижорском, водском и восточном сето.

В силу своей основной задачи — изучить кодирование некоторых функций в нескольких идиомах — исследование представляет собой наблюдение. Однако, учитывая, что последние носители языка — это не та типичная языковая среда, в которой мы получаем наши представления о кодировании различных понятий, это исследование также можно рассматривать как эксперимент: можно ожидать, что поведение наклонения и модальности в такой «экстраординарной среде», как далеко зашедший сдвиг языка, прольет свет на те свойства наклонения и модальности, которые остаются скрытыми для исследователей, работающих в «нормальных» обстоятельствах. Данное предположение соотносится с двумя гипотезами:

- а) структурные изменения, сопровождающие языковую смерть, не являются (полностью) идентичными языковым изменениям в полноценных с функциональной точки зрения языках;
- б) различные понятийные и грамматические области затрагиваются этим процессом по-разному и/или с разной скоростью — это предположение определяет наклонение и модальность как идиосинкратическую категорию среди грамматических категорий языка, на которые влияет языковой сдвиг.

Такой подход, как считает автор, и определяет главным образом научную новизну исследования. Литература, посвященная языковой смерти, в основном описывает социолингвистические аспекты этого явления. Хотя в последнее время лингвисты обращают внимание на структурные изменения, сопровождающие языковой сдвиг, исследования в основном ограничиваются интересными, но несистемными наблюдениями или обсуждением общего структурного процесса, который рассматривается одновременно в нескольких областях грамматики: сокращение без компенсации, парадигматическое выравнивание, увеличение морфотаксической прозрачности или замена маркированных признаков немаркированными. Ограниченность общими явлениями отчасти понятна, так как распад языка обычно представляет собой быстрый процесс, затрагивающий различные области грамматики одновременно, а не последовательно. Другой причиной отсутствия исследований по конкретным функциональным областям в условиях языкового сдвига является неаприористический подход, принятый исследователями языковой смерти. Рассмотрение некоторых функциональных областей при языковом сдвиге обосновывается двумя упомянутыми выше допущениями. Предположение, что процессы, происходящие в умирающем языке, отличаются от изменений в жизнеспособных языках, имплицитно присутствует во многих исследованиях, однако оно редко признается и утверждается в явном

виде. Что же касается второго допущения, автор пишет, что ему не известны исследования по исчезающим языкам, в которых бы оно принималось, хотя во многих работах приводятся косвенные доказательства этого¹.

Цели исследования автор формулирует следующим образом:

- а) на основе наблюдения сделать имплицативные утверждения об относительной подверженности выражений различных модальных значений исчезновению, изменениям и инновациям в условиях далеко зашедшего языкового сдвига;
- б) предложить объяснения наблюдаемых различий в относительной подверженности выражений различных модальных значений исчезновению, изменениям и инновациям в условиях далеко зашедшего языкового сдвига.

Гипотезы об относительной подверженности элементов наклонения и модальности исчезновению, изменениям и инновациям в условиях исчезновения языка формулируются в монографии с использованием понятия «традиционной формы» — идеализации, принимаемой в качестве основы для сравнения при изучении современного узуса.

Выбор для анализа пал на малые прибалтийско-финские языки, поскольку они являются прекрасными кандидатами для изучения грамматических систем в условиях вымирания языка. С одной стороны, они находятся под серьезной угрозой исчезновения, с другой же стороны, они имеют относительно долгую историю исследований, поэтому их ранние исторические срезы довольно неплохо документированы. Этот последний факт имеет решающее значение, так как, по мнению автора, большинство существующих исследований вымирающих языков основано на языках Африки, Австралии и Америки, которые были плохо документированы в ранние исторические периоды.

В то же время эти вымирающие прибалтийско-финские языки тесно связаны между собой, имеют общий язык-донор (русский), а их носители демонстрируют схожие модели многоязычия. Верификация полученных результатов требует сопоставления с ситуацией, в которую вовлечены подверженные сдвигу языки, максимально отличающиеся от прибалтийско-финских, и доминирующий язык, максимально отличающийся от русского. Однако, поскольку сопоставимые данные из такой независимой выборки отсутствуют, для подтверждения своего обобщения автор вынужден полагаться на межязыковое структурное разнообразие. К счастью, область, охватываемая наклонением и модальностью, кодируется в языке настолько разнообразно, что это позволяет проверять гипотезы о соотношениях с различным кодированием, но сходной функцией и, соответственно, независимо от структуры. В прибалтийско-финских языках модальность выражается грамматическим наклонением, нефинитными глагольными формами, финитными глаголами (вспомогательными или лексическими), наречиями, частицами, существительными, предикативными прилагательными, комплементаризерами, интонацией и эллипсисом.

Если посмотреть на структуру монографии с точки зрения коммуникативного членения, то можно обнаружить череду вторичных топиков, а в завершении — первичный топик, — собственно, вопрос о судьбе наклонения и модальности в указанных идиомах.

Первая глава представляет собой введение, в котором речь идет о целях и задачах исследования, научной новизне, причинах выбора именно этих идиомов для анализа и т. п.

Во **второй главе** дается определение понятия «языковая смерть», приводятся типы языковой смерти, очерчивается современное состояние исследований по данному вопросу, проводится разграничение процесса вымирания языка и похожих, но не тождественных

¹ Заметим, что в работе [Агранат 2016] гипотеза о том, что процессы, происходящие в вымирающем языке, отличаются от изменений в жизнеспособных языках, эксплицируется, кроме того, проверяется гипотеза о том, что различные области грамматики затрагиваются этим процессом по-разному или вообще не затрагиваются. Грамматические системы прибалтийско-финских языков изучаются в соотношении с социолингвистическим статусом; делается попытка объяснить устойчивость / изменчивость языковых параметров социолингвистическими причинами.

явлений, обсуждаются языковые изменения, сопровождающие данный процесс, и их отличия от изменений, происходящих в «нормальных условиях».

В **третьей главе** дается определение понятия «наклонение-и-модальность», очень подробно разбираются модальные значения, отдельно описываются наклонения, под которыми понимается грамматикализованная модальность. Данная глава могла бы существовать самостоятельно как пособие для спецкурса по типологии модальности.

Четвертая глава приближается к предмету исследования: в ней обсуждается, в чем состоят специфические черты наклонения и модальности в условиях вымирания языка. В ней также рассматриваются возможные объяснения обнаруженных закономерностей в поведении модальности и наклонения при далеко зашедшем языковом сдвиге; приводятся некоторые имеющиеся данные о поведении наклонения и модальности и связанных с ними грамматических понятий в условиях исчезновения языка.

В **пятой главе** описывается социолингвистическая ситуация каждого из идиомов, на материале которых выполнено исследование. Излагаются различные причины их исчезновения: география распространения идиомов, число носителей, языковые контакты, а также политические, экономические, демографические, культурные и другие экстралингвистические факторы.

В **шестой главе** представлена процедура, применявшаяся при сборе материала для монографии: эlicitация и запись спонтанной речи. Трудно переоценить тот факт, что данные для исследования были получены автором при полевой работе с информантами, — это, безусловно, повышает надежность полученных результатов. Обсуждается проблема сбора первичных данных, критерии, применяемые для формирования из них пригодного для работы корпуса, а также методы, применяемые для анализа данных, для поиска, отбора и проверки гипотез. Ввиду недостатка данных, большинство гипотез невозможно статистически проверить для каждого из идиомов. При процедуре проверки гипотез на качество результата оказывают влияние два дополнительных фактора:

- а. Можно ли объяснить выявленную тенденцию вмешательством вытесняющего языка? Можно ли объяснить выявленную тенденцию как внутренний процесс, происходящий при нормальном изменении языка?

Ответы на оба вопроса отрицательные: в исчезающих прибалтийско-финских идиомах есть явления, которые нельзя прямо объяснить как калькирование моделей русского языка и которые при этом не встречаются в более жизнеспособных прибалтийско-финских языках с межпоколенной передачей. Именно эти явления представляют наибольшую теоретическую ценность для данного исследования: они происходят независимо от внутренних процессов и конкретной контактной ситуации и поэтому могут быть преимущественно следствием языкового сдвига.

- б. Объясним ли этот феномен с точки зрения семантики (или прагматики), или он может быть отнесен к чисто структурным факторам (морфофонематической аналогии)?

Данное исследование рассматривает семантически (или прагматически) обусловленные факторы, а не структурные особенности, бывший интерес для автора представляют семантические или прагматические объяснения.

Седьмая глава посвящена фоновой информации: изменениям в грамматике изучаемых идиомов за пределами области наклонения и модальности. По замыслу автора, материал данной главы призван показать, насколько далеко зашел языковой сдвиг в каждом из представленных идиомов, что важно для последующего анализа наклонения и модальности. Обзор интенсивности языковых контактов и симптомов разрушения структуры делается по двум направлениям: с точки зрения выражения языковых значений и с точки зрения глагольных категорий, характерных для прибалтийско-финских языков (актантная деривация, время, согласование и полярность; под последней понимается оппозиция афfirmатив/негатив). Обсуждение этих категорий плавно подводит к основному сюжету монографии.

Остановимся на некоторых вопросах, обсуждаемых в данной главе. В частности, речь идет о двух феноменах, которые объясняются русским влиянием.

Первый феномен. В прибалтийско-финских языках есть синтетическая форма имперфекта и аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта, состоящие из презенса (в первом случае) или имперфекта (во втором случае) вспомогательного глагола и причастия смыслового глагола. Исследуемые прибалтийско-финские идиомы заменяют аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта на синтетическую форму имперфекта, поскольку в русском языке существует только одна — синтетическая — форма прошедшего времени. Тем не менее, у автора возникает предположение, что вытеснение составных форм имперфектом началось, когда изучаемые идиомы были еще жизнеспособными. В качестве доказательства приводятся ижорские примеры, записанные А. Лаанестом в 1960-е гг., когда языковой сдвиг еще не зашел далеко. Имперфект в ижорских предложениях А. Лаанест переводит на эстонский язык плюсквамперфектом. Хотелось бы и вовсе высказать сомнение в русском влиянии. Приведем два аргумента. Первый — тексты, записанные Ю. Мягистэ [Mägist 1977] на сето в 1930-е гг., когда идиом был абсолютно жизнеспособным, с параллельным переводом на финский язык. Перфект и плюсквамперфект в сето не употребляются, а имперфект во многих случаях переводится на финский перфектом и плюсквамперфектом. Во-вторых, в водских сказках, записанных А. Альквистом [Ahlqvist 1856] в середине XIX в., когда языковой сдвиг еще не начался, плюсквамперфект употреблен только один раз, перфект — два раза, и один раз вспомогательный глагол опущен, присутствует только причастие смыслового глагола, поэтому по форме нельзя определить, перфект это или плюсквамперфект. В некоторых контекстах ожидался бы плюсквамперфект для выражения таксиса, тем не менее, употребляется имперфект. Вообще, у автора рецензии есть предположение, нуждающееся в изучении, что перфект и плюсквамперфект используются в текстах этих сказок для выражения коммуникативного членения.

Второй феномен: в перфекте и плюсквамперфекте опускается связка и остается только причастие смыслового глагола. Приведем мнение М. Корхонена, который считает, что первоначально связка в перфекте отсутствовала в праприбалтийско-финском и саамском и появилась под германским влиянием. Если отсутствие связки в перфекте в вепсском языке объясняют ее исчезновением под влиянием русского языка, то в южно-саамском ее отсутствие русским влиянием объяснить нельзя. М. Корхонен же полагает, что в вепсском языке сохранилось первоначальное состояние, поскольку он находится на периферии контактного скандинавско-германского ареала (см. [Korhonen 1973: 179]). В качестве дополнительного аргумента против русского влияния напомним, что в водских текстах опущение вспомогательного глагола наблюдается уже в XIX в.

Восьмая глава составляет основу исследования. В ней рассматривается поведение наклонения и модальности в исчезающих прибалтийско-финских идиомах. Результаты анализа по большей части представлены в виде шкал, показывающих, насколько выражения различных модальных значений подвержены утрате, изменениям и инновациям.

Обращается внимание на очень большие идиолектные различия в выражении модальности: разные носители одного идиома могут употреблять разные модальные глаголы для выражения одного и того же модального значения. Идиолектная дивергенция объясняется дисперсным проживанием последних носителей и отсутствием ежедневной коммуникации. Можно говорить об идиолектных модальных системах (то есть об индивидуальных грамматиках), которые отличаются друг от друга больше, чем идиолектные системы носителей «здоровых» языков, использующихся в ежедневном общении. Вообще говоря, идиолектная дивергенция при отсутствии постоянной коммуникации проявляется не только в выражении модальных значений, ср., например, различные дейктические системы у последних носителей водского языка [Агранат 2008].

Можно сделать небольшое замечание к пассажиру о типах вопросительных предложений на с. 252–253. Автор пишет, что в северных прибалтийско-финских языках полярные вопросы оформляются энклитикой при глаголе, находящемся в начальной позиции в предложении, в то время как в южных в начале предложения стоит специальная вопросительная

частица (при этом все эти языки могут использовать альтернативный способ — без специальных показателей, с выдвижением в начальную позицию глагола, за которым следует субъект). Отметим, что материал современного водского (южного прибалтийско-финского языка) вписывается в эту картину, однако в текстах сказок XIX в. в [Ahlqvist 1856] употребляются главным образом полярные вопросы с энклитикой, дважды встретились вопросы без показателей, и ни разу — с вопросительной частицей.

Еще одно небольшое замечание, касающееся гибридных структур. Под последними понимаются конструкции, сочетающие признаки косвенной и прямой речи: в зависимой клаузе присутствует союз, вводящий косвенную речь, но после союза следует прямая речь. Утверждается, что такие структуры неграмматичны в «традиционных формах» исследуемых идиомов. Тем не менее, именно такой (и никакой другой) способ передачи косвенной речи отмечался в еще жизнеспособном водском языке, см. [Сабо 1964].

В **девятой главе** предложено функциональное объяснение наблюдаемых последовательностей элементов на этих шкалах в терминах «маркированности» (понимаемой как сложность в плане содержания) и «многоуровневой смысловой структуры» (в терминах функциональной дискурсивной грамматики).

В **главе 10** обобщены результаты исследования. Относительная подверженность языковых элементов исчезновению, изменению и инновациям в условиях вымирания языка может зависеть от значения и, таким образом, выстраиваться по семантическим признакам, а не по структуре.

На протяжении всего текста монографии утверждения автора иллюстрируются фразовыми примерами, представленными без дополнительного контекста. Для демонстрации более широкой картины в двух приложениях приводятся тексты на двух идиомах, записанные автором в поле: в Приложении I — на восточном сето, в Приложении II — на центральном людиковском. Выбраны для иллюстрации были именно эти идиомы как генетически наиболее далекие. Отметим, что приложения читать не менее интересно, чем основной текст монографии.

В заключение хотелось бы сказать, что, хотя задачи исследования были типологическими, а прибалтийско-финские языки использовались как средство и материал, тем не менее, выход данной монографии — важное событие в том числе и для финно-угроведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агранат 2008 — Агранат Т. Б. Изменение системы пространственного дейксиса в водском языке. *Труды X Международного конгресса финно-угроведов*. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. [Agranat T. B. Changes in the system of spatial deixis of Votic. *Trudy X Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov*. Yoshkar-Ola: Mari State Univ., 2008.]
- Агранат 2016 — Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М.: Языки народов мира, 2016. [Agranat T. B. *Sravnitel'nyi analiz grammaticheskikh sistem pribaltiisko-finskikh yazykov: printsipy intrageneticheskoi tipologii* [Comparative analysis of the grammatical systems of Finnic languages: Principles of intragenetic typology]. Moscow: Yazyki Narodov Mira, 2016.]
- Сабо 1964 — Сабо Л. Передача чужой речи в водском языке. *Tõid läänmeresooe ja Volga keelte alalt*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1964, 46–53. [Szabó L. Reported speech in Votic. *Tõid läänmeresooe ja Volga keelte alalt*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1964, 46–53.]
- Ahlqvist 1856 — Ahlqvist A. *Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning* [Votic grammar with text sample and glossary]. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae, I.) Helsingfors: H. C. Friis, 1856.
- Korhonen 1973 — Korhonen M. Zur Geschichte des negativen Präteritums und Perfekts im Ostseefinnischen und Lappischen. *Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itkonen sexagenarii die XXVI mensis aprilis anno MCMLXXIII*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1973, 174–195.
- Mägiste 1977 — Mägiste J. *Setukaisteksteja* [Seto texts]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1977.